

Отзыв на диссертацию Кудрявцевой Аминат Юсуповны

«Поэтика исторического романа Ф.Д.Гверрацци»,

представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Представленная к защите диссертация А.Ю.Кудрявцевой посвящена особенностям поэтики исторических романов одного из заметных представителей итальянского романтизма – тосканского романиста и общественного деятеля эпохи Рисорджименто Франческо Доменико Гверрацци. Объектом своего исследования диссертантка избрала три самых значительных исторических романа, относящихся к разным этапам творчества Гверрацци. При этом перед автором работы встало сразу несколько задач, остающихся актуальными для современной итальянистики – в частности, для изучения итальянского романтизма. Во-первых, предстояло выявить художественную специфику крайне своеобразной, даже шокирующей манеры Гверрацци писать об отечественной истории, проследить и объяснить эволюцию этой манеры. Во-вторых, определить место исторического романа Гверрацци в развитии итальянской романтической прозы и в становлении итальянского романтизма в целом. В этой связи перед диссертанткой закономерно возникли еще проблемы: проблема современного Гверрацци отечественного литературного контекста и проблема взаимодействия этого романиста с ним; проблема взаимодействия с предыдущей традицией (национальной и европейской) романа о прошлом; более общая проблема межжанровых взаимодействий в становлении романа XIX века, проблема инонациональных литературных влияний как характерного явления европейского литературного процесса XIX века.

Уточню сразу: по всем этим проблемам, весьма актуальным применительно к итальянскому литературному материалу, в работе А.Кудрявцевой предлагается обоснованное и в той или иной степени доказательное решение. В трех главах диссертации охватываются три важные фазы творчества Гверрацци – 20-е, 30-е и 50-е гг. XIX в, обозначающие, в свою очередь, основные этапы бытования жанра исторического романа в условиях Рисорджименто. Гверрацци, автор романов «Битва при Беневенто», «Осада Флоренции» и «Беатриче Ченчи», в работе Кудрявцевой уверенно представлен как последователь европейской традиции готического романа, отвечавшей, повидимому, субъективной склонности этого итальянского романиста сгущать мрачные краски и «пугать» соотечественников-читателей сценами злодейств, кровопролитий, вообще всемогуществом «страшного» и близким соседством таинственных или потусторонних сил. В то же время диссертантка вполне последовательно и во многом удачно расширила историко-литературный и сравнительно-типологический контекст своего анализа романного творчества Гверрацци. Его романы вписаны в работу в панораму развития жанра исторического романа в Италии, магистральный путь которого лежал, как и в Европе вообще, через усвоение романной модели и приемов воссоздания духа эпохи Вальтера Скотта. Для сопоставительного анализа в диссертации привлечен также широкий спектр современной Гверрацци исторической романистики Италии и Франции и даже приключенческие романы Купера. Наиболее убедительным и продуктивным для прояснения специфики романов Гверрацци предстает в работе Кудрявцевой рассмотрение их в свете байроновского влияния на проблематику и поэтику

европейской литературы. Развивая мысль И.К.Полухтовой о влиянии Байрона на литературу Рисорджименто, Кудрявцева заостряет внимание на восходящей к поэмам Байрона лиро-эпической составляющей исторических полотен Гверрацци. Как верно прослежено в работе, эта составляющая проявилась как в мотивах мировой скорби, наложивших специфическую (по сравнению с историческим романом А.Мандзони) печать субъективизма на все его творчество, так и в модификациях самого жанра исторического повествования. В нем у Гверрацци действуют титанические герои эпического масштаба (Манфред, Ферруччи, Макьявелли, Франческо и Беатриче Ченчи), в центре стоят политические события эпохального значения (сопротивление французскому завоеванию Сицилии, защита Флоренции от германской агрессии, многолетний коррупционный режим Медичи в папском Риме) и огромное место отводится лирическим авторским монологам (раздумьям о современной писателю итальянской политической ситуации, пророчествах будущего, проповедям и инвективам) с ярко выраженной патриотико-публицистической окраской.

В диссертации выявлена и доказательно обосновывается внутренняя динамика исторической манеры Гверрацци, проявляющаяся в изменениях вальтерскоттовской, готической и байроновской парадигм каждого из трех анализируемых романов. Рассмотрение этой динамики подводит автора работы к выводу о наличии в зрелом творчестве романиста еще одной составляющей, восходящей к историографической стилистике итальянских историков XVI века Макьявелли, Варки, Гвиччардини, сочетавших рациональную обстоятельность хроники с субъективизмом публицистико-дидактического пафоса и смелой политической ангажированностью авторских суждений. Замечу в этой связи, однако, что декларация о существующей преемственности между Данте, Петраркой и Боккаччо (с.172) ничем в работе Кудрявцевой не подтверждена и представляется лишней. Интересными и отмеченными новизной представляются зато суждения исследовательницы о мелодраматических принципах в поэтике романов Гверрацци; жаль, однако, что о них у Кудрявцевой сказано вскользь (особенно в первой главе). Досадно, что вопрос о принципах драматизации исторического повествования и о влиянии мелодрамы на итальянские исторические романы (вопрос сам по себе интересный и актуальный, причем имеющий прямое отношение к характеристике итальянского романтизма в целом) не получил в данной работе достаточно четкого освещения, хотя сама заявка Кудрявцевой на постановку этой проблемы заслуживает внимания. Прделанный анализ поэтики романов Гверрацци позволил Кудрявцевой отнести их к так называемому «смешанному типу» прозы, в границах которой наблюдается активное межжанровое взаимодействие, вообще характерное, как это давно известно, для творений романтиков. Вполне обоснованной представляется неоднозначная характеристика исторической прозы Гверрацци и как прозы «поэтической» или «лирической», и как прозы публицистической, в стилистике которой сменяют друг друга инвектива, проклятие, экстаз, призыв.

Мне не представляется оправданным стремление автора работы оспорить прочно укоренившееся еще в XIX веке суждение о второстепенности романов Гверрацци в итальянском литературном процессе. Их художественную и идейную сиюминутность невозможно отрицать. Да она, скорее всего, воспринималась как достоинство в ситуации активизировавшегося движения Рисорджименто, в ней состояло одно из специфических «ожиданий» всего итальянского романтизма того бурного политического периода. Этим можно объяснить тот громкий общественный резонанс, который получали исторические романы Гверрацци в Италии вплоть до ее

объединения и сколько-то лет после него. Однако попытки диссертантки уловить в них какие-то художественные «знаки» будущих далеких романых стратегий мне не кажутся убедительными. Ни итальянский, ни тем более европейский роман не пошел по тому пути, который предлагала «смешанная» «лирическая проза» исторических романов-пророчеств Гверрацци. Соотечественники, современные Гверрацци исторические романисты, тоже не развили его романых новаций. Ньево пишет уже нечто среднее между историческим романом, романом среды и романом воспитания. «Растрепанные» (в лице Ровани хотя бы) предпочли субъективизму и проповедничеству иронию и авантюриность. Веризм, натурализм, водрузив знамя объективности, вообще отказались от всякого лиризма и публицистичности. И тем более имена Толстого, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, возникшие на последней странице работы рядом с именем исторического романиста Гверрацци, совсем уж ничем не оправданы. Это же явления совершенно другого ряда!

Зато промелькнувшая в работе мысль о том, что «инаковость» поэтики романов Гверрацци связана с его «тосканизмом», представляется мне на данном этапе изучения итальянского романтизма вполне новаторской. Высказанная впервые романтиком, современником Гверрацци Дж.Монтанелли в 1853 г., она теперь заслуживает, на мой взгляд, более пристального внимания. Отчасти эту мысль подкрепляют указания диссертантки на ориентацию Гверрацци на исторические сочинения Макьявелли и Гвиччардини; в работе упомянуты также исторические романы Н.Томмазо, где также такая ориентация очевидна. Думаю, что этот аспект поэтики исторического романа Гверрацци следовало бы выделить особо и на конкретных примерах показать, скажем, стилистические схождения сочинений Макьявелли, например, и Гверрацци. В этой связи замечу, что многократно декларированное влияние на Гверрацци поэтики романов Вальтера Скотта и А.Мандзони представляется мне явно преувеличенным. Автор работы считает его настолько неоспоримым, что не старается подкрепить его подробным анализом (в отличие, уточню, от более внимательно рассмотренного готического, байроновского и даже куперовского влияний). Сочинения Гверрацци (и Томмазо тоже) тем и выделяются из потока итальянских исторических романов, что предлагали иные художественные пути воплощения романтического историзма, чем Скотт и Мандзони. Важно подчеркнуть, при этом, что эти их особые предложения тоже вполне вписываются в русло романтической поэтики исторического жанра, каким он сложился на итальянской почве как в Ломбардии, так и в Тоскане и в других очагах романтизма.

Некоторые принципы поэтики исторических романов Гверрацци в работе названы, но не получили внятного раскрытия. Так, непонятно, что такое «педагогика страха» (с.68 и др.), «горизонт ожидания» (с.129); понятие «мелодраматизма» возникнув на 68 стр., начинает постепенно проясняться лишь в другой главе на 129 стр. Остался непонятным и термин «народный романтизм», возникший уже применительно к роману «Осада Флоренции»: в чем его содержание? Если дело в том, что в нем изображен народ, то тогда и «Шуаны» и даже «Обрученные» (или, напр., «Капитанскую дочку» или «Бюг Жаргаль») надо относить к «народному романтизму»? и чем байронический герой Бандино отличается от просто романтического (не «народно-романтического») героя?

Много места в конце работы уделено аргументам в защиту тезиса о сходстве поэтики исторических романов Гверрацци с поэтикой романа-фельетона, сложившегося во Франции в 40-е гг. Я не согласна с таким утверждением. Роман

«Битва при Бенеvento» написана еще в 1827 году. Подбирая аргументы для доказательства такой близости, автору в первую очередь следовало учитывать, что поэтика романа-фельетона обусловлена чисто французской спецификой публикации таких романов и подчинена требованию увлекательности, тогда как у Гверрацци функция проповедническая и воспитательная преобладает надо всем. В этой связи хочется уточнить сказанное в работе по поводу «Беатриче Ченчи»: Гверрацци поворачивается в этом романе в сторону «испорченного века» и испорченных нравов, но он писал все же не в угоду некой «моды» на инцест и «фантазию»(с.162) и не о ничтожном старике-«сластолюбце» и его строптивой и мстительной дочери: подобной скандальной «фельетонности» в этом романе нет, как нет ее у Стендаля: тут, как в трагедии Альфьери, противостоят два типичных романтических героя-титана, вступающих в противоречие с «законом»: один- воплощенное, испытывающее судьбу и «закон» зло всевластия, другой – воплощение попираемого, уступающего судьбе, но внутренне непобеденного его достоинства, которое «закон» должен был бы защищать . И как в трагедии Альфьери, тут нет абсолютного победителя, конфликт романтически неоднозначен и неразрешим.

Изложенные выше соображения носят по преимуществу дискуссионный характер и не умаляют научной значимости и новизны представленной диссертационной работы. Она существенно обогащает представление о внутренних тенденциях в итальянском романтизме и вносит коррективы в часто повторяемое суждение о нем как о явлении эстетически единообразном, замкнутом в рамках сугубо однозначной патриотической проблематики. Поставленные перед диссертанкой конкретные задачи и требования, предъявляемые к диссертациям, не только выполнены, но открывают перспективы дальнейших разработок в области теории и истории жанра романа, романтизма, итальянского литературного процесса. В связи с этим полагаю, что диссертация «Поэтика исторического романа Ф.Д.Гверрацци» удовлетворяет требованиям п.9, 10 Положения о диссертациях, а ее автор Кудрявцева А.Ю. заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03.

Елена Юрьевна Сапрыкина,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы РАН

22ноября 2016 г., Москва.

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

ГЛ. СПЕЦИАЛИСТ
ИМЛИ РАН

Шабаева
Н.И. ШАБАЕВА

Сапрыкина Елена Юрьевна

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН

119415, г.Москва, ул. Удальцова, д. 10, кв. 140. Тел. +7 (499) 131-63-98

email: esaprykina@yandex.ru

Список публикаций

1. Античный миф в двойном отражении итальянской классицистической и романтической трагедии. Витторио Альфьери и Дж.Б. Никколини // XVIII век как зеркало других эпох. XVIII век в зеркале других эпох. Сб.ст./под ред. Н.Т. Пахсарьян. СПб.: Алетейя, 2016. С. 94-112.
2. Главы в кн.: История литературы Италии. Т.4, кн.1. Отв.ред. Е.Ю. Сапрыкина М., 2016.
 - 1) Введение, с. 5-27;
 - 2) Введение. Литература эпохи Рисорджименто, с. 29-46;
 - 3) Алессандро Мандзони, с. 118-172;
 - 4) Джакомо Leopardi, с. 173-212;
 - 5) Романтический театр, с. 248-276;
 - 6) Романтическая проза, с. 277-323;
 - 7) Диалектальная поэзия, с. 324-352;
 - 8) Введение. Литература объединенной Италии, с. 381-388;
 - 9) Футуризм, с. 602-639;
 - 10) Библиография. Хронологическая таблица, с. 658-733.
3. L'Eros russe: le sublime et le sensual dans la littérature romantique et postromantique // Stendhal et L'Eros romantique. Tradition et Modernité. Paris, Eurédit, 2016. Pp. 135-147.